

О введении комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»

О.В. Воскресенский

Автор рассматривает значение поворота в ориентации школьно-образовательной системы России в сторону религиозно-нравственного воспитания, анализирует явные и скрытые опасности (выбор возрастной группы, система нравственных приоритетов) этого шага и предлагает возможные решения проблемы в этой новой области педагогической деятельности.

Ключевые слова: морально-этические ценности, духовно-нравственное воспитание, разумные основания христианской веры.

Поистине трудно переоценить значение поворота, сделанного школьной образовательной системой России в сторону духовно-нравственного воспитания, свидетелями и участниками которого мы являемся. Общество, пусть и медленно, но приходит к осознанию неизбежности и необходимости перемен в этой области.

Впрочем, понять такую осторожность наших органов образования можно. Достаточно вспомнить, как тяжело было от насаждаемого десятилетиями сверху кодекса насквозь фальшивой партийной морали, которая в контексте школьного образования выражалась в программе воспитания гармоничной личности. Можно вспомнить и то, как обожглись мы в первые годы свободы от этой морали, с жадностью кинувшись примерять на себя без разбору хлынувшие к нам потоком экзотические духовно-нравственные «одежки».

И стоит ли удивляться, что в течение последних лет мы старательно «дули на воду», оберегая себя и наших детей от любого морально-нравственного давления, говоря, что информация, знание, факты и естественно-научное мышление сами приведут к тому, что в подрастающем поколении выработаются нормы и навыки нравственного, ответственного и благодетельного поведения.

В результате, конечно, мы добились немало: по некоторым оценкам, российские выпускники опережают по сумме знаний, например, среднего американца того же возраста. Сбылась давняя и неизбывная наша мечта – «догнали и перегнали»! Только вот стало ли это новое «сверхосведомлённое» поколение счастливее, добрее, радостнее, духовно богаче или хоть элементарно честнее в конце концов?

Похоже, неудержимый рост коррупции, продолжающееся экономическое расслоение общества и засилье поп-культуры свидетельствуют о духовном обеднении (если ещё не обнищании) страны. И даже наше самое последнее оправдание – что мы, мол, находимся в переходном периоде от тяжёлого наследия тоталитаризма к светлому демократическому будущему – постепенно уходит из-под наших ног: поколение юношей и девушек, выросшее во вполне политически свободном обществе, увы, не отличается ни ожидаемой добротой, ни порядочностью, ни ответственностью.

Очевидно, надежда на всеисцеляющую имманентную благотворность знания не оправдалась, как это уже случилось однажды, когда триста лет назад эпоха Просвещения открыла вдруг перед человечеством радужные перспективы научного знания, предав проклятию и забвению на своих алтарях ценности, бережно накапливавшиеся и хранившиеся Церковью, верой и духовной культурой.

Похоже, теперь в России пришли к пониманию необходимости введения в систему просвещения прямого наиздания добра, любви, свободы выбора и ответственности за этот выбор, основанного на авторитете духовного опыта нашего народа и всего человечества. В этом свете чрезвычайно своевременно прозвучали требования, сформулированные в Поручении Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 2 августа 2009 года № Пр-2009, поддержавшем введение в школах обязательного предмета «Духовно-нравственное воспитание».

Однако, как случается почти всегда, когда за доброе и живое дело берётся могучая, но неуклюжая государственная машина, конкретное во-

площение его грозит вылиться в почти полную противоположность того, что было первоначально так чудно и так мудро задумано.

Первое, что бросается в глаза даже не искушённому в педагогических тонкостях человеку, знакомящемуся с упомянутым документом, – это странный выбор той возрастной группы, которой суждено стать «экспериментальной» – четвёртая четверть 4-го класса и первая четверть 5-го класса. Время наибольшего эмоционального стресса, вызванного переходом детей из начальной школы в основную, сменой учителей, а нередко и состава учеников в классе и т.д. Другими словами, в момент, когда учащемуся столь необходимо ощущение стабильности, поступательности и преемственности в ходе учебного процесса, ему предлагается в корне пересмотреть всю его мировоззренческую базу и в течение нескольких недель воспринять и усвоить зачастую весьма неожиданную для него перспективу человеческих взаимоотношений и норм. Причём знакомство с ними требует от ребёнка немалой доли уже сложившегося доверия к учителю, ибо оно касается весьма глубоких, порой интимных и чувствительных областей: семейных, межличностных, религиозных и даже, может быть, мистических.

Так вот, едва начав этот процесс в конце четвёртого класса, учащийся его прерывает на длительные летние каникулы и продолжает уже с новым учителем, в другой классной обстановке, иной школьной среде и т.д., к которым у него ещё не выработалось ни доверия, ни даже какой-либо близости или привязанности.

Наивно, пожалуй, ожидать в такой ситуации быстрого и положительного результата: навык нравственного поведения вырабатывается, главным образом, последовательным его применением и развитием, а не только накоплением «учебного материала».

Помнится, в конце 1970-х один из талантливейших учёных-педагогов страны профессор М.Р. Львов задался вопросом, почему учащиеся с таким трудом усваивают грамматические правила. Оказалось, школьная программа построена в полном

...несоответствии с их возрастными и языковыми потребностями: когда им не хватает слов для освоения мира – мы вместо лексики преподаём им фонетику, а когда они ищут связей и логики в мире – мы вместо синтаксиса заставляем их заучивать морфологию и т.д.

Профессор М.Р. Львов, выстроив в качестве эксперимента программу по русскому языку в соответствии с естественными потребностями языкового развития детей, добился поразительных результатов: учащиеся жадно и с лёгкостью осваивали самый сложный лингвистический материал. Можно было бы радоваться, но, увы, неуклюжая бюрократическая машина тогдашнего наробраза оказалась глуха к этому опыту.

Сегодня мы с вами должны не повторять подобных ошибок и принять во внимание ту уникальную динамику образовательного процесса, который характерен для каждой возрастной группы, каждого класса школы. Бесспорно, духовно-нравственное воспитание необходимо и четвероклассникам, и пятиклассникам, но если уж мы решили отвести ему на начальной стадии реформы только две четверти (из сорока четырёх возможных!), то, может, стоит поискать более «выигрышное» место?

Возможно, логичнее начинать со старших классов. Во-первых, потому что это наш последний шанс повлиять на них, прежде чем они выйдут в большую жизнь. Во-вторых, потому что на базе того немалого фактического материала, которым они уже владеют, духовно-нравственные ценности укоренятся скорее и прочнее, чем на неполном и неоформленном ещё опыте младшеклассников. Если, конечно, мы хотим, чтобы этот процесс продолжался, а не дискредитировал себя с самого начала.

Второе, что представляется даже более важным в предполагаемой реформе, – это упор на преподавание учащимся наших национальных культурных традиций, духовных ценностей, нравственных норм и традиций. В послании Президента совершенно отчётливо прослеживается иерархия ценностей и система приоритетов, и в ней наши местные

традиционные, патриотические, эстетические и языковые элементы программы оказываются в начале списка, а общечеловеческие – где-то в самом низу, уступая даже экологии и охране природы.

Стоит ли удивляться тому, что при такой иерархии ценностей наши города, дома и улицы превращаются в настоящие «джунгли», где выживает сильнейший, где чужака поджидают крупные неприятности, где кланы и племена отвоевывают территории и даже понятия «любовь», «добро» и «ценность» отражают не духовные реалии, а чисто вещественные, вполне плотские, а подчас и откровенно низменные. Очевидно, эту систему приоритетов следует поставить с головы на ноги.

Хочется верить, что, берясь за дело духовного воспитания учащихся и возрождения морально-нравственного облика страны, мы не представляем его себе как ещё одну факультативную область человеческого знания и деятельности, которую мы решили добавить к и без того насыщенной школьной программе.

Только если духовным содержанием окажется проникнута каждая частица знания, получаемая учащимся, если каждое своё решение и выбор он научится оценивать не только с точки зрения его соответствия заданным формулам, экономической выгоде, общественно-политической пользе, но и проверять их критериями добра, любви и высшей справедливости, тогда только задача духовного восстановления и нравственного оздоровления населения страны может решаться успешно и эффективно. А чтобы это произошло, следует ещё раз внимательно проанализировать и при необходимости пересмотреть, во-первых, возрастные параметры предлагаемых программ и, во-вторых, их место в ряду приоритетов и ценностей школьного воспитательного процесса.

В этой связи встаёт вопрос, а как следовало бы подходить к введению этого курса в школьную программу. Добавить к насыщенному школьному расписанию ещё одну учебную дисциплину? Обязательную или факультативную? Или, может, ин-

тегрировать религиозно-нравственные учения в состав уже имеющихся предметов? Представлять ли основные религиозные культуры и этические системы обзорно всем без исключения учащимся? Или, разбив их на группы, соответственно их семейной или национальной традиции, предоставить им возможность более углублённого знакомства со «своей» культурой? Рассматривать ли религиозно-этические системы в их социально-исторической перспективе и изменчивости? Или сосредоточится лишь на высочайших достижениях каждой из них?

Похоже, ответ на все эти вопросы придётся дать положительный. Другими словами, не следует отмечать ни одного из перечисленных методов. Хотя бы уже потому, что собственного опыта у нас в этой области практически не имеется, а опыт зарубежный (как, впрочем, и наш дореволюционный) к нашей вполне специфической историко-культурной среде применим лишь со значительными поправками и дополнениями. И нам решать, доверим ли мы духовно-нравственное воспитание наших детей горстке экспертов и высокоучёных мужей (и, конечно, жён) из двух-трёх столичных академических институтов и академий или возьмём на себя, каждый на своём месте, ответственность за этот процесс? И, возможно, это тот уникальный случай, когда государственной аппарат исполнит свою роль идеально, а именно: не будет мешать людям заниматься своим делом неуклюжими директивами, а предоставит творческой личности учителя, директора школы, родителя и самого учащегося проторить свой собственный путь решения этой поистине вселенской задачи.

Таких путей окажется великое множество. В одной школе, к примеру, за эту задачу с готовностью и радостью возьмётся учитель истории, наполнив религиозно-нравственной тематикой каждую изучаемую на уроках истории тему. В другой директор школы примет на себя труд и ответственность по переобучению всего учительского состава, чтобы религиозное сознание и духовно-нравственные ценности нашли место в каждом

классе и на каждом уроке. А третья школа, опять-таки в силу внутренних и местных причин и обстоятельств, решит специализироваться на более углублённом преподавании одной из религиозно-нравственных культур. А где-то, возможно, местная религиозная общественность выдвинет своих достойных представителей, готовых, желающих и квалифицированных для организации этой деятельности в школе.

Всех вариантов предусмотреть, конечно, невозможно. Да и нет в этом необходимости, ибо речь должна идти не о предписании конкретных методов и методик, а о создании возможности для вдохновенного учительского творчества в пределах конституционных прав и гарантий. Соблюдение этих гарантий, а также собирание, анализ, обобщение и распространение лучшего творческого опыта – вот, видимо, чем должны быть озабочены лучшие умы, академические институты и административные органы страны.

И хочется верить, что в России ещё не перевелись люди, готовые к этому решительному шагу! А помочь им в этом деле – информационно, экспертно, методически и, конечно, молитвенно – должны «профессионалы» соответствующих религиозных общин, направлений и традиций, которые могут и должны предоставить учителям и школьным психологам необходимые пособия, справочники и сборники иллюстративного материала.

Только проделав этот труд, собрав некий объём практического опыта в этой деятельности, мы сможем решать, что из него наиболее эффективно; что достойно дополнительной поддержки и распространения; что явилось единичным творческим всплеском гения-одиночки; а что оказалось необходимым нам всем уроком смирения (ведь отрицательным следует считать лишь тот опыт, который нас ничему не научил).

Со своей стороны автор статьи предлагает учителям разработанный им семинар на тему «Разумные и научно-исторические основания христианской веры». Несмотря на разность подходов, избранных в настоящее время, например,

российской и украинской системой образования в ознакомлении учащихся с христианским вероучением и его системой ценностей, им обеим пришлось столкнуться на практике с одним и тем же вопросом, звучащим из уст как учащихся, так и их родителей (а подчас и самих педагогов!): «А на каком основании нам предлагается принять именно эту, согласимся, внутренне гармоничную, духовно-нравственную парадигму, в отличие от, скажем, мусульманской или буддийской?».

К сожалению, ни преподаваемые сегодня в российских школах курсы «История религии» и «Основы православной культуры» (культурологический, эстетический подходы), ни «Христианская этика» (этический подход на Украине), похоже, ещё не дают в необходимой полноте и глубине ответа на этот важнейший вопрос.

Семинар «Разумные и научно-исторические основания христианской веры», предлагаемый в настоящее время педагогам-гуманитариям старших классов общеобразовательных школ, представляется одним из серии подобных материалов, подготавливаемых в настоящее время Российской академией образования. Как следует из его названия, он посвящён рассмотрению лишь одного, а именно рационального, аспекта веры христиан, и выбор этот сделан именно вследствие рассмотренных выше условий и обстоятельств.

Во-первых, нисколько не отрицая и не умаляя других оснований христианской веры (личных, богословских, мистических, святоотеческих, историко-культурных и т.д.), в данном случае отдаётся предпочтение разумному основанию вследствие того, что в образовательном и воспитательном контексте школы именно логическому мышлению и научному знанию уделяется наибольшее внимание и, следовательно, именно такого рода аргументация и внутренняя логика учащимся наиболее знакома, понятна и привычна.

Во-вторых, обращение к фактам и данным историографии и археологии, подтверждающим достоверность основных положений христианского вероучения, соотносится с теми зна-

ниями и фактами, которые уже известны большинству людей из школьной программы. Таким образом, материал семинара расширяет их представление об истории, включая в неё сведения о тех событиях, исторических лицах и документах, которые, в свою очередь, могут помочь им глубже понять и усвоить материалы других дисциплин, как гуманитарных, так и естественно-научных.

В-третьих, он предлагает слушателям более обобщённое представление о картине мира и роли конкретной личности на философском и мировоззренческом уровне, конечно, в пределах общего возрастного развития и духовной зрелости аудитории.

Знакомство с основанием, на котором зиждется вера, даёт возможность молодому человеку сделать моральный выбор в отношении ежедневных задач и вызовов с большей уверенностью и ответственностью, уничтожая тот разрыв, который подчас невольно создаётся в представлении людей между высоким и «неотмирным» духовным содержанием их жизни и той «низкой» обыденной реальностью, в которой им приходится жить изо дня в день. Свидетельство – рациональное и научно обоснованное – о том, что эти две реальности неразрывны, составляет основной пафос семинара.

Цель семинара – познакомить слушателей с существующими в настоящее время научно-историческими, археологическими фактами, позволяющими говорить о разумном основании христианской веры, вовсе не пренебрегающей, как это часто вменяется ей, доводами интеллекта и логики.

Олег Владиславович Воскресенский – аспирант Института истории и теории педагогики Российской академии образования, г. Москва.